

Цубикова Любовь Сергеевна

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920-1930-Е ГОДЫ

Статья посвящена процессу коллективизации в Восточной Сибири в 1920-е - 1930-е гг. Характеризуется ситуация в аграрном секторе. Рассматриваются правовые источники и их роль в становлении колхозной системы. Анализируются динамика, трудности при осуществлении коллективизации, меры, предпринимаемые властями по корректировке своей аграрной политики. Автор приходит к выводу, что ко второй половине 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства была полностью завершена, колхозная система с юридической стороны оформлена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PUBLIC DIPLOMACY OF THE USA: THEORIES AND CONCEPTIONS

Tsvetkova Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg State University
n.tsvetkova@spbu.ru

The article for the first time summarizes the theories and conceptions on public diplomacy of the USA. Such branches of knowledge as history, cultural studies, anthropology, political science, science on international relations, marketing and political communication interpret differently the purposes and results of the USA public diplomacy. The USA public diplomacy involves the informational, cultural, educational and Internet-projects of the USA aimed at the realization of foreign-policy tasks.

Key words and phrases: public diplomacy of the USA; gentle force; propaganda; cultural diplomacy; political communication.

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

Статья посвящена процессу коллективизации в Восточной Сибири в 1920-е – 1930-е гг. Характеризуется ситуация в аграрном секторе. Рассматриваются правовые источники и их роль в становлении колхозной системы. Анализируются динамика, трудности при осуществлении коллективизации, меры, предпринимаемые властями по корректировке своей аграрной политики. Автор приходит к выводу, что ко второй половине 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства была полностью завершена, колхозная система с юридической стороны оформлена.

Ключевые слова и фразы: коллективизация; колхоз; крестьянство, сельское хозяйство; Восточная Сибирь; аграрная реформа.

Цубикова Любовь Сергеевна, к.и.н., доцент

Иркутский государственный технический университет (филиал) в г. Усолье-Сибирское
lkor11@rambler.ru

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920-1930-Е ГОДЫ[©]**

К одному из важных и поворотных событий XX века историки относят коллективизацию. Даже после того как во второй половине 1980-х гг. были открыты ранее недоступные архивные материалы, что способствовало более объективному рассмотрению событий коллективизации и уходу от узкой идеологической направленности, данные процессы до сих пор трактуются неоднозначно и вызывают много споров. Связано это не только с наличием различных экономических школ, которые по-своему оценивают рыночную и командно-административную системы, не только с тем, что процессы коллективизации затронули сразу все общественные сферы (социальную, экономическую, образовательную, правовую, культурную и т.д.), но и с тем, что сохранился уникальный и массивный документальный материал как в центральных архивах страны, так и на региональном уровне, требующий детальной проработки.

В первой половине 1920-х гг. в рамках нэпа были сделаны значительные шаги по восстановлению сельского хозяйства в России и в том числе в Восточной Сибири, а именно: в направлении расширения посевной площади, улучшения оснащённостью техникой, в увеличении инвентаря и скота и, как следствие, развитии товарности крестьянского хозяйства. Особый акцент новая власть делала на последнем пункте, точнее, на становлении крупнотоварного производства, поскольку оно было показательным для данной отрасли. Но аграрная политика государства, реализуемая в действительности, способствовала становлению мелкотоварного производства. Так, например, декрет ВЦИК от 21.03.1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой развёрстке натуральным налогом» [11] содержал в себе положения, предусматривающие прогрессивную шкалу налогообложения и наличие определённых льгот для бедняков, маломощных хозяев, середняков и так называемых «старательных хозяев», т.е. крестьян, которые увеличили площади в своих хозяйствах. Но на практике это означало, что если в данном году крестьянин «наращивал свое хозяйство», то на следующий год, поскольку количество земли в его пользовании увеличилось, он мог поменять социально-имущественный статус до середняка и иногда даже кулака и, соответственно, терять льготы, более того к нему применялось повышенное налогообложение. Такие условия, разрушали сложившегося крупного хозяйственника и препятствовали появлению новых. Все это в целом поддерживалось и идеологическими рамками, которые определяли кулака как бывшего эксплуататора врагом нового государства.

Для Восточной Сибири был еще один проблемный момент, связанный в целом со слабо развитым сельским хозяйством, как следствие, оно не обеспечивало в полной мере местные потребности. Это обстоятельство вынуждало ежегодно завозить определенное количество хлеба для покрытия дефицита из Западной Сибири [5, д. 55, л. 17].

Предложенный советскими властями переход на масштабную колхозную систему представлял собой один из вариантов выхода из создавшейся противоречивой ситуации. В 1928 году на Восточно-Сибирской партийной конференции отмечалось, что осуществление таких задач, как повышение товарности сельского хозяйства и развитие животноводства, должно производиться «на базе всемерного укрепления колхозного строительства и первичных сельскохозяйственных объединений и увеличения экономической помощи бедноте» [Там же, д. 638, л. 2].

Активно внедрялись различные виды коллективных форм: сельскохозяйственные коммуны, земледельческие артели, товарищества по общественной обработке земли. Так, например, по Иркутскому округу, если в начале 1926 года было 8 коллективных хозяйств [Там же, д. 57, л. 12], то на июль 1928 года их числилось – 101 [Там же, д. 903, л. 48]. Государство поддерживало коллективные хозяйства через систему налогообложения, выдачу кредитов и др.

До середины 1920-х гг. кредиты были труднодоступны для маломощных хозяйств в силу своей краткосрочности, высокого процента и слабой возможности получения «значительного» кредита без особого поручительства [4, д. 236, л. 33 об.]. Поэтому небольшие хозяйства, покупали в основном «недорогой инвентарь» – плуги, бороны и т.д. В дальнейшем постепенно из системы советского кредитования полностью исключаются зажиточные крестьяне, кулаки, на второй план уходят индивидуальные хозяйства. Так, например, в 1927 году Сельбанк предоставлял кредиты по трем направлениям: во-первых, по линии существующих уже колхозов (коммуна, с/х артелей и товариществ по совместной обработке земли, перешедших уже полностью на общественную запашку); во-вторых, вновь организующимся колхозам из специального фонда «стимулирования коллективизации», бедняцким и бедняцко-середняцким машинным и другим товариществам, обязательно переходящим целиком на совместную обработку земли, и, в-третьих, тем единоличникам беднякам и середнякам у которых есть «стремление использовать кредитные средства для объединения хозяйств в первичные коллективы» [Там же].

Краеугольным для села явился 1930 год, когда вышел ряд постановлений, определивших основные векторы политики государства в области сельского хозяйства. Это, с одной стороны, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [16, с. 126-130], способствовавшее окончательному уничтожению кулака как социальной прослойки и по своей масштабности приведшее к социальной панике на селе, а с другой стороны, ряд нормативных актов (Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. [Там же, с. 85-86], Примерный устав сельскохозяйственной артели от 1 марта 1930 г. [14], Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23 февраля 1930 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» [12] и др.), закрепивших окончательное решение власти по строительству колхозной системы. Элементы протекционизма, содержащиеся в данных законах, носили в большей степени декларативный характер, поскольку в реальности экономическое состояние колхозов, уровень их организованности и другие факторы не позволяли достичь даже среднего уровня качества жизни колхозника. Более того, многие колхозы находились на грани выживания. Архивы Иркутской области содержат массу специальных сообщений об их тяжелом положении особенно за 1932-1933 гг., что было связано с отсутствием продовольствия, низкой урожайностью [8, д. 543, л. 90-99]. Показательной является динамика «входа-выхода» крестьян в колхозы. С марта по июнь 1933 года по 36 районам Восточно-Сибирского края в колхозы вступило 8755 хозяйств, а вышло и исключено за этот же период – 4723, т.е. 54% от числа вступивших [6, д. 543, л. 62], что говорит о высокой текучести кадров, о неопределенной позиции населения, и, конечно, нельзя отрицать роль массовых чисток в колхозах.

Все это отразилось на динамике самой коллективизации в Восточной Сибири. По имеющимся данным: на 10 марта 1930 г. она составила 40,7%, на 20 апреля 1930 г. – 24,4% [18, д. 817, л. 40], на начало октября 1930 г. – 16,8% [3], на конец 1931 г. – 55% [7, д. 295, л. 4-5], на конец 1932 г. – 44,3%, на 15 июня 1933 г. – 47,3 [9, д. 29, л. 73].

И, тем не менее, уже к концу 1931 г. по Восточно-Сибирскому краю удельный вес единоличного сектора в посевах снизился с 76,6% до 37,7%, а удельный вес обобществленного сектора, соответственно, увеличился с 23,4% до 62,3% [7, д. 295, л. 5].

Еще один правовой документ, сыгравший важную роль в оформлении советской колхозной системы, вышел в 1932 г. Это постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г., согласно которому кооперативы и колхозы переходили в статус государственных [17, с. 453-454]. Постановление позволяло применять высшую меру социальной защиты за хищение колхозного и кооперативного имущества – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией всего имущества. Данные меры должны были снизить темпы распада колхозов и переломить процесс коллективизации к более высоким.

Вместе с тем «качество» самих колхозов оставляло желать лучшего. На 1 августа 1934 года в Восточной Сибири насчитывалось «организационно и хозяйственно отсталых колхозов» 689 [10, д. 4, л. 1]. По данным районных комиссий, были названы следующие причины «отсталости»: отдаленность от районных центров, неблагоприятная земля для занятия сельским хозяйством, небольшое объединение дворов (10-15), отсутствие опыта руководства работой колхоза, низкая трудовая дисциплина, сильное «кулацкое влияние» с целью развала колхозов, и, в том числе, проводимые мероприятия новой властью предыдущих годов. Последнее касалось уже сложившихся советских колхозов, которые нередко назывались образцовыми и за их счет выполнялись нормы по заготовке хлеба, а после массовых выходов в 1932 году и зимой 1934 года эти нормы стали непосильными.

Важную роль в аграрном реформировании сыграли примерные уставы сельскохозяйственной артели 1930 г. и 1935 г. Устав 1930 г. был более «примерным» по сравнению с уставом 1935 года, он разрешал колхозникам иметь приусадебные участки, но не определял их размеры, члены артели могли оставлять у себя жилые постройки, мелкий сельскохозяйственный инвентарь, одну корову, небольшое количество мелкого скота (в зависимости от региона проживания) и др. Устав 1935 года по ряду вопросов уточняется и корректируется. Так, колхознику в зависимости от региона проживания разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли; в личном пользовании колхозника до 2-3 коров, от 2 до 3 свиноматок с приплодом, от 20 до 25 овец и коз, неограниченное количество птицы и др. Предусматривалось, что все работы в общественном хозяйстве должны производиться личным трудом его членов на основе сдельщины. Устав закреплял основные формы организации труда (бригады) и его оплаты (распределение доходов по трудодням). Колхозам выдавались государственные акты на «вечное пользование землей» [13].

Восточно-Сибирский Крайисполком и Крайком ВКП(б) 18 июня 1935 года утвердили постановление «О мероприятиях по выработке, обсуждению и принятию колхозами уставов сельскохозяйственной артели по Восточно-Сибирскому краю», в котором, учитывая особенности региона, конкретизировали ряд норм. Например, колхозам Иркутского, Нижне-Илимского, Усть-Кутского, Киренского, Черемховского, Тайшетского, Усть-Карийского, Сретенского, Читинского (в 25 километровой зоне), Красночикойского, Шахтоминского, Балейского, Петрово-Забайкальского районов рекомендовалось установить размер приусадебной земли от 0,60 до 1 га, а в остальных районах, в том числе и во всех аймаках БМАССР, – от 0,80 до 1 га.

Все колхозные дворы Восточной Сибири разделили на четыре группы, где были установлены свои нормативы по личному пользованию скота, птицы и т.д. Иметь максимальное количество такого имущества разрешалось группе, куда вошли ряд аймаков и сельсоветов Бурят-Монголии, например, в личном пользовании могло быть от 8 до 10 коров, 100-150 овец и коз, неограниченное количество птицы, до 10 лошадей, от 5 до 8 верблюдов [10, д. 272, л. 80 – 81 об.].

Проводимые организационные и правовые мероприятия позволили сократить количество «отстающих» колхозов и увеличить приток единоличников в колхозы, и, как результат, за второй квартал 1935 года процент коллективизации в крае вырос с 76,8% до 82,3%, а на 1 октября составил более 85% [Там же, л. 178].

Таким образом, за годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) коллективизация сельского хозяйства была полностью завершена, колхозная система с юридической стороны оформлена, т.е. поставленная цель государством была выполнена. Колхозы, пришедшие на смену традиционному единоличному крестьянскому хозяйству, стали основной формой сельскохозяйственного производства. Но, несмотря на мощную правовую, налоговую, кредитную и другую государственную поддержку по развитию колхозной системы, в нее не были заложены в полной мере экономические и социальные стимулы, которые бы позволили заинтересовать крестьянина и сделать ее саморазвивающейся; на данном этапе и в дальнейшем эту сторону приходилось компенсировать административными методами.

Список литературы

1. **Бабашкин В. В.** Коллективизация крестьянского хозяйства как отечественный вариант модернизации аграрных обществ // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 78-82.
2. **Верхогляд Д. А.** Земельно-правовые отношения в СССР в период коллективизации и полномочия колхозов как основных пользователей земель сельскохозяйственного назначения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 118-122.
3. **Восточно-Сибирская Правда.** 1930. 11 октября.
4. **Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО).** Ф. 7. Оп. 1.
5. **ГАНИ ИО.** Ф. 16. Оп. 1.
6. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 1.
7. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 2.
8. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 7.
9. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 8.
10. **ГАНИ ИО.** Ф. 123. Оп. 17.
11. **О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом:** Декрет ВЦИК от 21.03.1921 // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 24. Ст. 147.
12. **Положение о едином сельскохозяйственном налоге:** Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 23.02.1930 // Собрание законов СССР (СЗ СССР). 1930. № 13. Ст. 144.
13. **Примерный устав сельскохозяйственной артели:** Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17.02.1935 // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
14. **Примерный устав сельскохозяйственной артели:** Постановление ЦИК и СНК СССР от 01.03.1930 // СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 255.
15. **Слезин А. А.** Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта // История в подробностях. 2011. № 10. С. 66-73.
16. **Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939:** документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.
17. **Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939:** документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. 1008 с.
18. **Центр хранения исторической документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК).** Ф. 96. Оп. 1.

COLLECTIVIZATION OF PEASANT ECONOMY IN EASTERN SIBERIA IN THE 1920-1930S

Tsubikova Lyubov' Sergeevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Irkutsk State Technical University (Branch) in Ustye-Sibirskoye
lkor11@rambler.ru

The article is devoted to the process of collectivization in Eastern Siberia in the 1920-1930s. The paper characterizes the situation in the agrarian sector, examines legal sources and their role in the formation of collective farming. The researcher analyzes the dynamics, the difficulties arising while implementing collectivization, the measures taken by the authorities for the correction of their agrarian policy. The author concludes that by the second half of the 1930s the collectivization of agriculture had been fully completed, collective farming from juridical viewpoint was arranged.

Key words and phrases: collectivization; collective farm; peasantry; agriculture; Eastern Siberia; agrarian reform.

УДК 327

Политология

Статья посвящена малоизученному вопросу международных отношений – анализу диалога между Тайванем и Гамбией на современном этапе. В результате изучения различных сфер сотрудничества между двумя странами, автор формулирует специфику этого союза, его значимость для государств, исследует причины неожиданного разрыва отношений. Работа вносит вклад не только в изучение современных международных отношений, но и в научную разработку такого важного аспекта как внешнеполитическое противостояние Китая и Тайваня, ярко проявляющееся в Африке.

Ключевые слова и фразы: Гамбия; Тайвань; отношения; Я. Джамме; Ма Ин-цзю; Китай; межгосударственный диалог; союз; дипломатические отношения.

Черевык Константин Антонович, к.и.н.

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ)
spliso@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГАМБИИ И ТАЙВАНЯ: ОТ СОЮЗА ДО РАЗРЫВА[©]

Республика Гамбия – маленькое государство в Западной Африке, принадлежащее к группе самых экономически отсталых стран африканского континента и мира [1]. Тайвань (Китайская Республика) – крупный азиатский остров, расположенный в акватории Тихого океана, провозгласивший независимость от материкового Китая в 1949 г. [10]. Это мощная экономическая держава, один из «четырёх азиатских тигров», наряду с Сингапуром, Южной Кореей и Гонконгом [2].

Начало современного этапа отношений Гамбии и Тайваня относится к 1995 г. [15]. Именно в этом году Гамбия вошла в число двадцати трех стран мира, установивших дипломатические отношения с Китайской республикой на Тайване [3]. Примечательно, что данная африканская страна сотрудничала с Китайской Народной Республикой (КНР). Китайское правительство, узнав о неожиданном демарше Гамбии, уже двенадцать дней спустя, а именно 25 июля, приостановило дипломатический диалог со своим африканским партнером [15]. Смена гамбийского внешнеполитического курса была связана с военным переворотом 1994 г., когда к власти пришел капитан Я. Джамме [23]. Сотрудничество Тайваня и Гамбии продлилось более восемнадцати лет, вплоть до конца 2013 г.

Анализ гамбийско-тайваньских отношений следует начать со встреч на высшем уровне. Отметим, что за этот период их было довольно много, особенно в 2000-х гг. Для иллюстрации степени близости двух стран и уровня отношений между ними, рассмотрим наиболее важные двусторонние государственные визиты.

Прежде всего, стоит отметить визит президента Гамбии Я. Джамме на Тайвань, который состоялся 4 декабря 2007 г. Во время него гамбийский лидер встретился с главой МИД Тайваня С. Хуанем. На этой встрече гамбийский лидер воздал должное тайваньскому правительству и народу за их постоянную поддержку усилий в области развития Гамбии. Он сообщил министру С. Хуаню, что очень высоко оценивает связи между его страной и Тайванем. Со своей стороны, министр С. Хуань отметил щедрую поддержку Тайваня со стороны Гамбии на международной арене. В частности, он упомянул о приеме Тайваня в члены ООН [21].

Другая важная встреча на высшем уровне между двумя странами состоялась в апреле 2012 г., когда 11-го числа президент Тайваня Ма Ин-цзю прибыл с четырехдневным визитом в Гамбию. На государственном банкете в честь высокого гостя президент Я. Джамме заявил, что сердечные отношения, существующие между двумя странами, можно и нужно усиливать и углублять с целью конструирования модели для сотрудничества по линии Юг-Юг. «Как малые народы, мы должны стоять плечом к плечу в защиту наших стратегических национальных интересов и, соответственно, суверенных интересов всех малых стран мира», – сказал лидер Гамбии [19].